

УДК 172; 304.4;355.01

МИЛИТАРИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

И.В. Степанов

ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет»,
г. Самара

Статья посвящена философскому анализу содержания войны в границах современного геополитического дискурса. Опираясь на материалы военной теории, философии медиа и геополитики, автор выявляет три аспекта геополитического восприятия войны. Особое внимание уделяется критике экспансии геополитического дискурса и милитаристской риторики, пытающихся охватить все поле гуманитарного и социального научного знания.

Ключевые слова: *война, геополитика, организованное насилие, медиа.*

В современном мире слова «война» и «геополитика» превратились в неразрывную пару. Любое высказывание, касающееся войны, отсылает в первую очередь к геополитическому контексту, и, напротив, упоминание о геополитике подразумевает войну в качестве предельного и, вместе с тем, смыслообразующего центра любых конкурентных практик, включая гендер («войны полов»), экономику («войны корпораций»), пропаганду («идеологические войны»). В представленной статье автор выделил и проанализировал основные военные аспекты, формирующие современный геополитический дискурс.

Первый аспект современного геополитического дискурса о войне на поверхностный взгляд носит достаточно традиционный характер и касается тех ее значений и образов, которые связаны с организованным массовым физическим насилием. В самом общем виде данный аспект выражается знаменитой фразой Карла фон Клаузевица: «Война – это акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю» [5, с. 26]. Однако при дальнейшем анализе физической природы, целей и масштабов насилия в границах геополитического дискурса возникают сложности.

Начнем с проблемы физической природы военного насилия. С одной стороны, дискурс вроде бы допускает, что война может быть войной в разной степени: «Война, не насилуя свою природу, может воплощаться в весьма разнообразных по значению и интенсивности формы, начиная от войны истребительной и кончая выставлением простого вооруженного наблюдения» [там же, с. 40]. С другой стороны, предполагается, что война может «как бы» начинаться, а может начинаться по-настоящему. Граница между случаями первого и второго рода, так же как и представление о природе «настоящего организованного физического насилия», носит крайне размытый характер, поскольку демаркация политического дискурса, по сути, уравнивает две противоположные позиции. Первая позиция достаточно ярко проиллюстрирована работами Мартина ван Кревельда: «В действительности война не начинается тогда, когда одни убивают других; она начинается тогда, когда те, кто убивают, рискуют сами быть убитыми» [6, с. 238]. Данная позиция предполагает, что

о войне стоит говорить лишь в контексте конкурентного организованного физического насилия, когда носителем смертельной угрозы является другой человек, воспринимаемый в ракурсе физической телесности.

Вторая, в значительной степени противоположная, позиция понижает статус конкурентности. В качестве иллюстрации процитируем крупного военного теоретика первой половины XX в. Николая Головина: «Весь смысл этой истории может быть выражен в нескольких словах – человек ухитряется убивать врага, избегая быть убитым» [2, с. 71]. Похожее высказывание военного историка-марксиста Нейла Фолкнера: «Любая война в первую очередь является войной нервов; боевые действия ведутся не столько для того, чтобы убить, сколько для того, чтобы продемонстрировать всем свою способность убивать, свое превосходство в умении это делать» [8, с. 417]. Данная позиция предполагает, что сама конкуренция может выступать лишь в качестве иллюзии, тогда как в действительности, из-за непропорционального соотношения сил с организационной, психологической и технической точек зрения, имеет место уничтожение одних физических лиц другими. Сегодня эта позиция обычно представлена расхожим выражением: «Правительство развязало настоящую войну против собственного народа!»

Попытка удержаться одновременно на двух позициях приводит к невозможности в выработке компромисса по поводу определения количества унесенных жизней, который мог бы стать ориентиром для классификации событий, придавая им статус вооруженных конфликтов и войн. Например, Уппсальский проект предлагает рассматривать в качестве вооруженных конфликтов те, в которых в течение года погибают 25 и более человек, в то время как известный американский проект «Correlates of War» поднимает планку до 1000 погибших в год. Не меньше вопросов возникает по поводу того, какова должна быть пропорция погибших с обеих сторон.

Стоит также отметить еще одну важную особенность второй позиции. «Избываемые» далеко не всегда предстают только в виде жертв. Чаще всего современный геополитический дискурс предполагает одновременное символическое форматирование пострадавших и в качестве жертв, и в качестве потенциальных акторов, способных ответить за несправедливо нанесенные им обиды или, что предпочтительнее, призвать на помощь того, кто готов выступить «орудием справедливого возмездия».

Вновь обратившись к Клаузевицу, перейдем к проблеме определения масштабов и целей насилия в современном геополитическом дискурсе: «Война есть конфликт крупных интересов, который разрешается кровопролитием; лишь в последнем ее отличие от других конфликтов» [5, с. 167]. В данном случае немецкий мыслитель отмечает наличие рационально оформленного интереса у правительств, представляющих политические государства-нации в качестве акторов войны. Отсюда проистекает смысл самых известных высказываний Клаузевица: «Война в человеческом обществе – война целых народов, и притом народов цивилизованных, – всегда вытекает из политического состояния и вызывается политическими мотивами...» [там же, с. 50–51]; «Война есть не только политический акт, но и подлинное оружие политики, продолжение политических отношений, проведение их другими средствами...» [там же, с. 52].

Позиция Клаузевица, безусловно, находит свое отражение в геополитическом дискурсе современности. Однако эта позиция парадоксальным обра-

зом сосуществует с точками зрения, прямо или косвенно направленными на ее отрицание. Прежде всего, отрицается рациональная природа самой войны: «Нет ничего более нелепого, чем полагать, что именно из-за того, что люди располагают властью, они действуют как автоматы или вычислительные машины, лишённые страстей. На самом деле они поступают не рациональнее других смертных; более того, поскольку данная им власть предполагает меньшую их стесненность в действиях, то иногда их поступки оказываются на поверку даже менее рациональными, чем наши» [6, с. 236–237]. В итоге организованное физическое насилие предстает одновременно и в качестве рационально оформленного замысла, и в качестве ужасного и безумного акта, не способного по своей сути содержать никакого смысла.

Во-вторых, происходит отказ от теоретических оснований конкретизации тех сил, которые выражают именно «крупные интересы» и могут считаться полноправными акторами войны. Смысл военного акторства может идеологически сознательно или произвольно расширяться, распространяясь на различные типы государственных образований, корпорации, кланы, классы, и так же идеологически сознательно или произвольно суживаться до клаузевицевских рамок государств, как политически организованных наций.

В-третьих, в современном геополитическом дискурсе одновременно констатируется и отрицается кризис легитимности военного акторства. Языковая игра, разворачивающаяся вокруг этого кризиса, может быть охарактеризована следующим образом: «Права гражданина против прав человека». В данном случае приводятся в столкновение противоречия, возникающие при столкновении веры в абстрактные общечеловеческие права с обязанностями, вытекающими из принадлежности индивида к юридически оформленным социальным группам. Однако эта языковая игра нередко замещается другой языковой игрой, в которой права человека противопоставляются не чему иному, как самим себе, т.е. правам человека. Прочитируем Алена де Бенуа: «Абстракция прав человека – и есть самая главная угроза их применению на практике... Если все индивиды стоят друг друга, если они, по большому счету, тождественны, если все они “такие же люди, как остальные”, вряд ли можно признать личность каждого из них уникальной, ведь они представляются не незаменимыми, а, напротив, вполне заменяемыми» [1, с. 91].

Данное противоречие невозможно разрешить юридическими мерами. На смену юридическим практикам приходят практики исключительно идеологического характера, выстраивающие дискурс на основе отказа от любых попыток провести разграничение между фигурами «жертвы», «гражданина» и «человека». Самые крупные геополитические акторы давно уже не имеют дела с юридическим измерением войн. Они проводят «полицейские операции» ради защиты «жертв» от «непровоцированной агрессии», во имя торжества «прав человека и гражданина».

Перейдем ко **второму военному аспекту** современного геополитического дискурса, проистекающего из изменения и расширения сферы масс-медиа и напрямую не связанного с организованным физическим насилием. Обратимся к работам канадского философа Маршалла Маклюэна, разработавшего в 60-х гг. XX в. концепцию, согласно которой технические изобретения являются формами расширения различных функций человеческого тела. С точки зрения Маклюэна, до XX в. европейская культура, ориентируясь на ме-

ханизм, занималась расширением тел в пространстве. В Новейшую эпоху наблюдается переход от письменных механистических технологий к виртуализации знания и расширению центральной нервной системы. Технический прогресс, таким образом, становится не столько инструментом в руках политиков, военных и ученых, сколько изменением всей системы привычных образов: «Когда новая технология поражает общество, наиболее естественная реакция – вцепиться обеими руками в непосредственно предшествующий период, обнаруживая в нем знакомый и комфортный образ» [7, с. 144].

В этом смысле любая война, по Маклюэну, представляет собой разновидность борьбы различных способов усвоения образов, а ее физическое измерение не является в современном мире главным: «Французское выражение *guerre des nerfs* (война нервов), родившееся двадцать пять лет назад, стало с тех пор обозначать то же самое, что и “холодная война”. Это – настоящая эклектическая битва информации и образов, которая намного превосходит в глубине и одержимости старые горячие войны индустриального железа» [там же, с. 389–390].

Таким образом, медийный аспект современного геополитического дискурса выстраивается и как дискурс о войне (в средствах масс-медиа много говорится об организованном массовом физическом насилии), и как дискурс войны (сами медиа ведут войну образов друг с другом). Результатом становится появление словосочетаний «информационная война», «сетевая война», «постиндустриальная война», значение которых в большинстве случаев синонимично значению слова «пропаганда». Вырабатывается следующий постулат: «Любая война имеет в своем основании информационный характер, а информация, в большинстве случаев, приобретает военный характер».

Субъекты, вовлеченные в современный геополитический дискурс, не смущаются тем, что словосочетание «информационная война» превращается в универсалию, являясь источником огромнейшего количества концептуальных ошибок. Ведь если следовать далее логике этого дискурса, то даже внутри одного субъекта военных действий, будь то государство или корпорация, мы никогда не сможем отделить мирные формы конкуренции от войны. Напротив, предполагается, что милитаристская терминология облагораживает и чуть ли не онтологизирует деятельность СМИ, способствуя, одновременно, распространению этой языковой милитаризации на все сферы деятельности.

Если первые два аспекта касались преимущественно дискурсивных практик современной геополитики, а привлекаемые нами работы Клаузевица, Кревельда, Бенуа, Маклюэна скорее иллюстрировали, нежели принадлежали этим практикам, то **третий аспект** связан с геополитической теорией. Речь идет о поиске теоретических оснований, который на деле оборачивается превращением теории в инструмент сиюминутных интересов.

Для того чтобы понять суть работы механизма производства современных геополитических концепций, следует обратиться к генезису геополитики, как дисциплины, стремящейся в наше время вновь обрести образовательный и научный статус.

Становление геополитики, в качестве научной и образовательной дисциплины, относится к концу XIX – началу XX в. Уже тогда поднимались вопросы о размежевании политической географии и геополитики, остающиеся по сей день без внятного ответа. Тем не менее, то отмежевываясь от политической географии, то отождествляясь с ней, геополитика обрела статус науки о

связи государственного организма с географическим пространством. Можно выделить следующие основополагающие признаки геополитических концепций данного периода:

1) признание географического детерминизма как определяющего фактора исторического развития;

2) провозглашение государств основными субъектами геополитических отношений;

3) принятие за основу органицистской теории происхождения общества, согласно которой социальные закономерности являются естественным продолжением биологических закономерностей, а война и экономическая конкуренция представляются разновидностью борьбы за существование в качестве инструмента эволюции государств;

4) отождествление национального чувства с государственным патриотизмом;

5) признание коренного антагонизма между «морскими» (талассократия) и «сухопутными» (теллутократия) державами.

Дальнейшая судьба дисциплинарной геополитики оказалась не простой. Во-первых, немецкая и японская школы, игравшие значительную роль в формировании геополитических концепций в 20–30-е гг., после поражения Германии и Японии во Второй мировой войне фактически исчезли, а их разработки на долгое время были отнесены к разряду идеологически ориентированных лженаучных идей. Во-вторых, в тех странах, где геополитика сохранила свой научный и образовательный статус, произошел отказ от восприятия государства как центрального субъекта международных отношений, при попытках сохранения преемственности с идеями классической геополитики в области методологии, основанной на географическом детерминизме. Фундаментом новой геополитической терминологии становятся либо транснациональные категории («военно-политический блок», «суперэтнос», «регион»), либо понятия, обозначающие «малые» социально-политические единицы («сообщество»). В итоге, к концу XX в. складывается ситуация, когда теоретическая геополитика начинает существовать в условиях всё более увеличивающегося раскола двух противоположных тенденций, одна из которых представлена направлениями, следующими традициям географического детерминизма (неоатланнизм, нео-евразийство, континентализм), а другая ориентирована на переход от геополитики географического пространства к геоэкономике (мондиализм) и геофилософии (география человека).

Казалось бы, XXI столетие должно увеличить этот разрыв, тем самым окончательно пресекая поиск единого теоретического геополитического базиса. Однако «единство» в последнее время парадоксальным образом начинает торжествовать над «различиями» посредством простого смешивания контекстов, относящихся к различным видам культурной деятельности и синтезу словосочетаний, ранее относимых к различным контекстам. В качестве примера приведем цитату Александра Дугина о субъектах геополитики:

«Первый субъект:

Капитал = Море (Запад) = англосаксы (шире – романо-германцы) = западно-христианские конфессии.

Второй субъект:

Труд = Суша (Восток) = русские (шире – «евразийцы») = Православие.

Двадцатый век – кульминационная точка противостояния этих двух сил, последняя битва, *Endkampf*» [3, с. 66]. Здесь мы видим отождествление экономических (капитал – труд), географических (море – суша), этнических (англосаксы – русские) и религиозных (западно-христианские конфессии – православие) категорий. При этом один контекст произвольно накладывается на другой, что создает видимость возникновения универсальной теории, которой, по мнению автора, нам следует вооружиться в ожидании Апокалипсиса в геополитической оболочке (*Endkampf*). Слово «философия», кроме как в заглавии, не употребляется в книге вовсе. Однако само заглавие, притягивая метафизические коннотации, выполняет функцию «сглаживания» и «облагораживания» религиозно-националистических взглядов автора. Тем самым достигается эффект «онтологизации» геополитической позиции при одновременном растворении философии, экономики, религии, этнографии, географии в бездне безмерно расширившегося геополитического контекста.

Описанная тенденция нередко дополняется попытками противопоставления универсалистски ориентированного дилетанта-практика, едва знакомого с классикой философии, экономики и социологии, профессионалу-теоретику. Прочитав известное американского журналиста Роберта Каплана: «Дилетанта, сталкивающегося с классикой, можно сравнить с путешественником во время первых дней его пребывания в чужой стране: есть вещи, которые он может понять неправильно, но он может заметить то, на что постоянно проживающие там люди перестают обращать внимание» [4, с. 16–17]. С одной стороны, мы вроде бы должны фиксировать возможность открытия дилетантом новой перспективы, что вполне оправданно. Но, с другой стороны, зачастую такой поверхностный теоретический дилетантизм начинает выставляться в качестве преимущества над профессионализмом, используя прагматическую мировоззренческую установку как идеологический инструмент. Предполагается, что дилетант получает преимущество, поскольку он не только способен взглянуть на проблему по-новому, но и предоставить практические свидетельства своего столкновения с войной. Здесь идет речь именно о конкретных вооруженных конфликтах, а не о мистической «последней битве».

На наш взгляд, основная опасность для социальных и гуманитарных наук со стороны экспансии современного геополитического дискурса состоит в том, что три основополагающих аспекта этого дискурса не формируют системы сдержек и противовесов. Напротив, опираясь на «войну» как на структуро-образующее понятие, разработчики геополитических концепций свободно перемещаются от одного аспекта к другому, игнорируя противоречия и используя лишь те элементы, которые «стирают» контекстуальные различия, стараясь сделать невозможной всякую критику со стороны дисциплинарно оформившегося социального или гуманитарного научного знания.

Еще одной негативной чертой безостановочно расширяющегося геополитического дискурса является безудержная эксплуатация средствами массовой коммуникации милитаристской риторики. Эта риторика, в свою очередь, постепенно проникает в обывательский язык, приучая нас отождествлять столкновения любого уровня со словом «война», будь то бытовой спор, экономическая конкуренция, выбор способов и материала подачи информации в СМИ.

Данные свойства геополитического дискурса следует рассматривать в качестве симптомов наметившегося разрыва между физическим и медийным

телом человека. Поскольку разрыв переживается болезненно, постольку принятие простого вывода, согласно которому физическая война в рамках физической реальности, физическая война в рамках медийной реальности и информационная шумиха вокруг любых форм конкуренции, произвольно обозначаемых словом «война», представляют собой три разных языковых игры, обладающих весьма отдаленным «семейным сходством», становится проблемой. И именно страх принятия ситуации разрыва создает труднопреодолимый соблазн универалистской иллюзии знания о войне, активно подпитываемой современным геополитическим дискурсом.

В подобной ситуации философия могла и должна была бы активно препарировать геополитический дискурс, абстрагировавшись от собственной политической позиции. Следует согласиться с современным немецким философом Хаймо Хофмайстером: «Постановка вопроса об *arche* противоположна политическому ответу на поиск смысла истории как индивидуального и универсального притязания на истину и смысл, благодаря которому любой ответ, любой поступок оказывается оправданным в своем собственном притязании» [9, с. 443]. Философы, однако, активно включились в игру по поиску универсальных ответов на всевозможные вопросы о войне, неизбежно при этом попадая под влияние моды на геополитику. Практически любая «философия войны» сегодня представляет собой беглый обзор военно-исторических и философских работ, в которых употребляется слово «война», с выводами о том, что право должно обуздать войну или хотя бы ввести ее в юридические рамки. Там, где речь идет о, как минимум, трех языковых играх, философы предпочитают вести речь об одной «форме жизни», в этом смысле ничем не отличаясь от геополитически ориентированных идеологов. Речь идет отнюдь не только о России. Уже упомянутый Хофмайстер, в книге о войне сам нарушивший собственное правило, или известный американский философ Алекс Мосли [10] в целом попадают в эту категорию.

Можно сделать неутешительный вывод, что сегодня серьезный критический анализ «войны» – как значимое явление интеллектуальной культуры, – отсутствует, в то время как акторы современного геополитического дискурса свободно используют философские концепции, постоянно расширяя, но не углубляя геополитический контекст.

Список литературы

1. Бенуа А. де. По ту сторону прав человека. В защиту свобод. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2015. 144 с.
2. Головин Н.Н. Наука о войне: избр. соч. / сост. И.А. Вершинина. М.: Астрель, 2008. 1008 с.
3. Дугин А. Философия войны. М.: Яуза: Эксмо, 2004. 256 с.
4. Каплан Р. Политика война: почему истинный лидер должен обладать харизмой варвара. М.: КоЛибри: Азбука-Аттикус, 2016. 272 с.
5. Клаузевиц К. О войне (1 – 4). М.: РИМИС, 2009. 400 с.
6. Кревельд М. ван. Трансформация войны. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. 344 с.

7. Маклюэн Г.М. Понимание Медиа: внешние расширения человека. М.: Гиперборея: Кучково поле, 2007. 464 с.
8. Фолкнер Н. Апокалипсис, или Первая иудейская война. М.: Вече, 2006. 480 с.
9. Хофмайстер Х. Воля к войне, или Бессилие политики. Философско-политический трактат. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2006. 288 с.
10. Moseley A. A Philosophy of War. N.-Y.: Algora Publishing, 2002. 268 p.

THE MILITARIZATION OF THE CONTEMPORARY GEOPOLITICAL DISCOURSE: A PHILOSOPHICAL ANALYSIS

I.V. Stepanov

Samara State Technical University, Samara

The article is aimed at the philosophical analysis of the content of war understanding within the boundaries of the contemporary geopolitical discourse. On the basis of military theory, philosophy of media and geopolitics, the author reveals three aspects of the geopolitical perception of war. Particular attention is paid to the criticism of the expansion of geopolitical discourse and militaristic rhetoric on the entire field of humanities and social sciences.

Keywords: *war, geopolitics, organized violence, media.*

Об авторе:

СТЕПАНОВ Иван Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет», Самара. E-mail: stivan1981@mail.ru

Author information:

STEPANOV Ivan Viktorovich – PhD, Associate Prof. of Dept. of Philosophy, Samara State Technical University, Samara. E-mail: stivan1981@mail.ru